

Конфиденциально

Для использования только Внутренней Безопасностью и Полицией Умственной Гигиены.

Уровень допуска Гамма Семь.

Тема: Расследование убийства МТЗ-137-56-A732

Отрывок, Система Наблюдения МТЗ-42-1693-04; 7/14/73

Уверенно идентифицирована Хилари Беккерель, NP-342-8879-1736

Уверенно идентифицирован Самуэль Рошфор, NP-491-3275-4291

Отрывок начинается:

Рошфор: Привет, босс! Я думал, они никогда вас не выпустят! Вы в порядке?

Беккерель: Я выгляжу в порядке? Налей мне еще, черт побери.

Рошфор: Как сильно они собираются по нам врезать на этот раз?

Беккерель: Откуда, черт возьми, мне знать? Это не была моя идея, чтобы идиоты пришли сюда. И не моя вина! Ты знаешь это.

Рошфор: Но кто она была? Я имею в виду, большой ублюдок был достаточно плох, но она...!

Беккерель: Откуда мне знать? Паскаль проверил ее лицензию в дверях, правильно?

Рошфор: Конечно проверил! Никогда бы он не впустил ее, если ее документы не были в порядке. Ты знаешь это.

Беккерель: Да, я знаю. Знаю. Ударь меня еще.

Рошфор: Босс, я думаю, вам лучше прекратить выпивку. Вам нужно пойти домой, отдохнуть. Копы вернутся завтра, и вам понадобится ясная голова.

Беккерель: Я знаю, знаю! Черт возьми, Сэм - из всех башен во всем Новом Париже, почему она должна была прийти в мою?

Конец отрывка.

* * *

Ничто из этого не работало так, как я ожидала.

Во всяком случае, после того, как я прошла через дверь. До этого момента, да. Это было настолько же удручающе, как и могло быть, насколько я знала, но что вам делать, когда у вас больше нет семьи; в базах данных вас называют "рецидивистом", что означает, что ни один легальный работодатель не может нанять вас; правительство забирает две трети вашего пособия; вы продали все, что у вас есть; и единственный человек во всем мире, которого вы все еще должны любить, очень нуждается в докторе, а местная клиника не поставит его в голову очереди без взятки? Я скажу, что вам делать. Продать последнее, что у вас есть - себя.

Вот почему я прошла через эту дверь. Конечно, не сказав швейцару, почему я была там, потому что у меня не было лицензии. Вы не можете получить ее в Башне Марокко, не зная нужных людей или не имея при себе наличных. И, к сожалению, "нужные люди" знали обо мне все. Ни в коем случае, черт возьми, они не дали бы мне лицензию, даже если бы у меня были деньги. Вот что происходит, когда оба ваших родителя попадают в полицию умственной гигиены и больше никто никогда их не видит. Мне было семнадцать, когда это случилось. Завтра был бы мой двадцать второй день рождения.

Адский день рождения.

Парень у двери впустил меня. По тому, как он посмотрел на меня, я была вполне уверена, что он знал настоящую причину, по которой я была там, вся принаряженная. Я потратила почти все свои оставшиеся деньги на этот наряд, и я не горжусь этим, но украли косметику. С другой стороны, старый Бонневиль зависел от Марто, менеджера Ста десяти этажей, так что я не слишком расстроилась из-за этого. Марто был тем, кто стоял и наблюдал, как мои мама и папа исчезли за "девиантное поведение", а затем позаботился о том, чтобы его громилы первыми вошли в квартиру, чтобы украсть самое лучшее - не то, чтобы там было, что брать - до того, как кто-то еще успел это.

Кроме того, если Бонневиль не хочет, чтобы люди крали вещи, он должен улучшить кибербезопасность. Этот его сервер течет, как сито, если вы знаете, где искать. И этот жадный старый ублюдок заставил меня сделать неофициальную компьютерную работу, которую я сделала для него. Не было никакого способа заставить его заплатить мне за работу, которой мне было запрещено заниматься, и он знал это. Так же, как я знала, что он хотел залезть мне в трусы. Он достаточно ясно дал понять это, когда не отдавал кредиты, так что я просто получала то, что он мне должен, по другим каналам.

Наверное, следовало бы закрыть лазейки, когда я ушла, вместо того, чтобы публиковать их в даркнете. Но он действительно очень разозлил меня.

Как бы то ни было, они впустили меня, и когда меня окружили зрелища и звуки, я старалась выглядеть так, будто у меня есть хотя бы ключ к пониманию того, что я делаю. Это было не то, что я ожидала. Или, скорее, это было именно то, что я ожидал, просто не те, кого я ожидала. Лунет сказала мне, что в Лиссабоне будут прожигатели жизни, но я думала, что она говорила о долистах верхнего уровня. О тех, кто управляет защитным рэкетом или завышает цены на базовое обслуживание по контрактам, которые бросают им их приятели из Управления Долистами. Но в конце концов это был не "мой" класс людей. Во всяком случае, не все.

В одном конце огромной комнаты стоял самый настоящий рояль, и его звук отчетливо слышался на фоне разговоров, когда очень темнокожий пианист гладил клавиши. Я стояла и слушала, оглядываясь вокруг, в дымке - большая часть которой была старомодным табаком, но с примесью наркоты - которая была слишком тяжелой для вентиляции, чтобы должным образом рассеиваться. Или, может быть, владельцу Лиссабона просто нравилась такая атмосфера, и он ослабил вентиляцию. Освещение было ужасным, но это был тщательно организованный вид ужасного. Такой, который оставляет много тьмы для тех, кто хочет быть неузнанным. Не то чтобы слишком много людей в Лиссабоне были этим обеспокоены, судя по шедшему вживую сексуальному шоу на сцене и хорошо одетым людям, которые выкрикивали поощрения и подбрасывали кредитки.

"Добро пожаловать в Лиссабон, милашка," - сказал кто-то, и я отвела взгляд от сцены и ее... невероятно энергичных обитателей. Официант был старше меня - кажется, что весь мир старше меня - и, как говорила мама в те времена, когда она еще смеялась, он выглядел так,

словно долго ехал и промок. Но, по крайней мере, он улыбался.

"Спасибо," - сказала я.

"Первый раз здесь?"

"Да," - отозвалась я.

"Ну, тебе придется купить хотя бы один напиток или таблетку, а Паскаль - парень на входе - ожидает десять процентов сверх." Я покраснела от разрушительной точности, с которой он оценил причину моего присутствия, и он покачал головой. "Так это работает, милашка," - сказал он почти мягко. "И по крайней мере, это только десять процентов. Вниз по корридору у Джейми берут двадцать процентов."

"Да, я слышапа об этом," - соврала я. "По этой причине, я думаю, я испытаю свое счастье сегодня вечером."

"Ну, хорошей охоты," - сказал он. "Хотя на твоём месте я бы стоял подальше от десятого стола. Людям, стоящим там, очень нравятся девчонки твоего возраста. Слишком нравятся."

Он пристально посмотрел на меня, и мне удалось не сглотнуть нервно, прежде чем я кивнула. Затем он кивнул в ответ и исчез в толпе, а я направилась к длинному, отполированному, старомодному бару. Похоже, он был сделан из натурального дерева. Я не была уверена, что это на самом деле так, но за ним действительно стоял живой бармен.

По многим причинам я бы предпочла автоматический бар.

"Что будете?" - спросил он под звуки пианино, его глаза изучающе остановились на моей груди, когда я скользнула на один из барных стульев. Это была одна из причин, по которой я бы предпочла автомат. Опять же, я всегда предпочитала компьютеры людям. Возможно, потому что, каким бы "блестящим" ни был автомат, я знаю, что он на самом деле не осознает себя. По крайней мере по моему мнению.

Во всяком случае, он не ищет, что бы ему выдавить из меня, прежде чем выбросить.

"Что-нибудь сладкое," - ответила я. "Что вы предложите?"

Это было еще одной причиной, по которой я предпочитала автомат. Ему безразлично, что я не имела представления, что входит в большинство коктейлей.

"Какую крепость ты хочешь?"

"Не слишком большую." Я попыталась изобразить понимающую улыбку. "Хочу, чтобы моя голова была ясной для продолжения."

"О, я думаю, это хорошая идея, чики." Его улыбка была хитрой. "Ну, в этом случае я рекомендую пинья колада."

"Хорошо," - сказала я, и он занялся своими бутылками, миксерами и прочим. Это не заняло у него много времени.

"Полтора кредита," - сказал он, толкая стакан по стойке, и я в ужасе закусил губу. Это было много денег для одного небольшого стакана с каким-то бумажным или пластиковым зонтиком, торчащим сверху. Во всяком случае для меня.

"Хорошо," - сказала я и провел своим уни-линком по его терминалу. Я не дала ему чаевых. Я надеялась, что это не разозлит его, потому что я не могла позволить себе никаких проблем. Но чаевые я тоже не могла себе позволить. Еще нет. Может быть, я смогу кое-что дать ему уходя, предполагая, что у меня будет, что дать.

К моему удивлению, он даже не заметил этого, и я взяла коктейль. Сняв дурацкий зонтик, я сделала глоток и опять удивилась; это было на самом деле хорошо. Может быть, слишком сладко, но это напомнило мне о кокосовом пироге, который обычно пек папа. Сомнительный плюс. Память может согреть меня, но мне не нужно было думать о нем, о маме или о том, что они подумали бы о моих планах. Не сегодня ночью.

Я развернула стул, потягивая напиток - очень маленькими глотками; Я не часто выпивала, поэтому не знала, насколько он крепок на самом деле, и мне нужно было продержаться как можно дольше, прежде чем мне придется раскошелиться на другой - и осматривая большую, переполненную комнату снова. Было много одиночек, мужчин и женщин, и некоторые смотрели в мою сторону. Освещение могло быть плохим, но его было достаточно, чтобы увидеть мои длинные пурпурные волосы. Они не были крашеными, эти волосы. Прабабушка - или, может быть, прапрабабушка - Фаустина была спроектирована где-то в лаборатории, и ее генотип сильно проявился в моем случае. Волосы были не единственной вещью, которую они изменили, когда проектировали ее.

Волосы было самым заметным, потому что они были длинными и гладкими и такого же глубокого, яркого оттенка пурпурного, как и мои глаза. Они падали пышным, шелковистым каскадом из под белой ленты, которой я их подвязала, а мое короткое маленькое платье я запрограммировала на изменение цвета от чисто белого до канареечного через древнюю слоновую кость, чтобы контрастировать с ними. Ничего кричащего; достаточно только чтобы привлечь внимание.

Остальное во мне не так впечатляет, как волосы и глаза, но достаточно хорошо, чтобы жить с этим. Если бы это было не так, я бы не была здесь сегодня вечером.

"Привет, дорогая," - сказал мужчина, скользя на стул рядом с моим. "Ты выглядишь одинокой."

Вероятно, он был по крайней мере вдвое старше меня - конечно, с пролонгом трудно точно сказать - и одним из людей, которых я не ожидала увидеть здесь сегодня вечером, судя по крою его дорогой и элегантной одежды. Он был одет, как законодатель, а не долист - даже очень хорошо одетый долист - хотя я не могла себе представить, что законодатели делают в Лиссабоне.

"Может быть, это потому, что я одинока," - ответила я, изо всех сил пытаюсь скрыть свою нервозность и выглядеть так, как будто я делала это раньше.

"Ну," - он слегка наклонился ко мне, положив руку мне на бедро чуть ниже подола платья, "возможно, мы могли бы кое-что сделать сегодня вечером. Тебе же не понравилось бы идти домой одной, не так ли?"

"Нет, я думаю, это была бы ужасная идея," - сказала я ему.

"Сейчас я работаю," - сказал он, и мое сердце немного упало, когда он дернул головой в направлении одного из столиков.

Он был, как оживленный остров в небольшом море пустых столов, и над ним плавало число

"10". Десяток с лишним людей, сидевших вокруг, были так же дорого одеты, как и подошедший ко мне - может быть, даже лучше; я не настолько хороша в оценке затрат на такие вещи, которыми пользовалось в Новом Париже "высшее общество", и большинство из них, казалось, были сосредоточены на происходившем на сцене. Но двое из них не обращали на нее внимания. Они сблизили головы, очевидно, погружившись в какую-то дискуссию.

"Ваши друзья?" - небрежно спросила я.

"Хотелось бы!" Он покачал головой. "Нет, работодатели. Я должен убедиться, что ничего... неприятного не происходит."

Он на мгновение приоткрыл куртку рукой, которая не была занята поглаживанием внутренней стороны моего бедра. Достаточно только, чтобы я могла увидеть рукоятку пульсера под его левой рукой. Я подумала, сделал ли он это, чтобы произвести на меня впечатление тем, как он важен и опасен, или потому, что он думал, что это может меня возбудить.

"Наверное, еще пара часов," - сказал он. "И я свободен до конца ночи." Он понимающе улыбнулся, и его пальцы скользнули еще выше. "Подожди и пойдем со мной домой, не пожалеешь."

"В самом деле?" Я наклонила голову и выдала самую знойную улыбку.

Я упражнялась в ней перед зеркалом, прежде чем дать Сезару его лекарства - те, которые были - уложить его в постель, и выскользнуть из жалкого маленького шкафа, так называемой "квартиры". Целая комната и прилегающая ванная - как многозначительно сказал мне менеджер Марто, нам еще повезло после того, как из нашего пособия каждый месяц вычитали, чтобы заплатить штрафы мамы и папы.

Такими темпами мы расплатимся, когда мне будет пятьдесят.

"В самом деле." Он подмигнул и наклонился ближе, и я почувствовала его губы на своих. По крайней мере, у него не было зловонного дыхания, хотя это было единственное хорошее, что я могла сказать об этом. Затем он отодвинулся и еще раз сжал мое бедро.

"Перерыв кончился. Нужно возвращаться на работу," - сказал он мне. "Зови меня Эркюль. И не уходи. Я вернусь."

"Я буду здесь," - пообещала я ему с еще одной такой-же улыбкой.

Он усмехнулся, затем высокомерно щелкнул пальцами, и бармен мгновенно поднял глаза.

"Все, что захочет моя подруга, включите в мой счет," - сказал он.

"Как скажете," - пообещал бармен, и мой новый "друг" поднялся со стула, еще раз поцеловал меня и направился обратно. Не менее хорошо одетая женщина, стоявшая около двери, наблюдала, как он подошел, затем резко кивнула ему, когда он занял ее место у двери, и направилась к арке, ведущей в туалеты.

Теперь, когда я следила за продвижением "Зови-меня-Эркюля" по всей комнате, я поняла, что он и женщина не одни. По крайней мере, еще три человека - очевидно, телохранители - стратегически разбросаны по бару, и еще четверо стояли, не слишком скрываясь, в двух или трех метрах от стола десять, образуя квадрат. Несмотря на то, что я только что первый раз вышла в качестве проститутки - или, возможно, потому что я хотела думать о чем-либо, кроме

этого - я почувствовала, как поднялись мои брови от такого уровня безопасности.

Неудивительно, что у любого законодателя есть некоторая охрана. Учитывая, насколько повсеместно любимы законодатели вообще, это имело огромный смысл. Но девять телохранителей - это уже слишком. Обычно, кроме сенаторских семей, было не больше трех или четырех, в лучшем случае. И что кто-то такой делал в Лиссабоне?

Я потягивала свою пинья колада, благодарная, что по крайней мере мне не придется платить за более дорогие напитки, и пристально смотрела на десятый стол, размышляя, не был ли Зови-меня-Эркюль одним из людей, о которых мой дружелюбный официант пытался предупредить меня. С моей удачей это было возможно. Но, возможно, и нет. Официант, кажется, не говорил о наемных охранниках. И было что-то про...

Мои ноздри раздулись, когда двое мужчин, которые, склонившись, что-то обсуждали, выпрямились, и я, наконец, увидела их в профиль. Кармуш. Справа был сенатор Кармуш. Последние несколько месяцев он был во всех головидео и ток-шоу, с тех пор как он ушел с поста министра безопасности, чтобы стать военным министром. Чем он...?

"Детка, что ты здесь делаешь?" - спросил голос рядом со мной, и я дернулась в удивлении, посмотрев на говорившего.

Это была женщина с очень бледным цветом лица. Ее волосы были почти такими же длинными, как у меня, но они были чернее крыла псевдоворона, а ее глаза были темными при свете. На ее правой щеке была большая родинка, достаточно большая, чтобы я удивилась, почему она не удаляла ее, но у нее была, пожалуй, самая красивая фигура, которую я когда-либо видела. Она была миниатюрной, по крайней мере на пять или шесть сантиметров ниже меня, несмотря на свои туфли на высоком каблуке, с изящной осанкой, подходящей к этой фигуре.

Просто глядя на нее, я чувствовала себя слишком высокой, неуклюжей и простой.

А также молодой, неискушенной и ничего не понимающей.

"Простите?" - блестяще ответила я на ее вопрос.

"Я спросила, что вы здесь делаете." Она покачала головой. "Это не такое место, где вы должны быть."

В ее голосе не было осуждения, только сострадание, но я почувствовала внезапный прилив гнева. Кто она такая, чтобы судить, была ли я там, где я "должна" быть? И мне не нужно ее сострадание. Мне не нужно никого сострадание. Я сделаю это сама в течение пяти ужасных лет в зубах всего того, что чертова система могла бросить в меня, и если она не думала, что я могу продолжать это делать, то и черт с ней!

"Работаю," - коротко сказала я, осматривая ее черное, элегантное, открытое платье. У него были высокие вырезы на бедрах с обеих сторон, с высоким, круглым воротником и глубоким вырезом декольте. Его ткань была запрограммирована с движущимся узором, который блестел на черном фоне, струясь как созвездие звезд, и, должно быть, стоило это в сто раз больше, чем мое платье.

"Как вы," - добавила я едким тоном.

"О, нет," - сказала она, качая головой со странной улыбкой. "Ты работаешь совсем не так, как я, детка. И ты не должна здесь "работать". Это не место для таких, как ты."

"Откуда вы знаете, что "такие, как я" должны или не должны делать?" - спросила я.

"Втяни коготки," - сказала она мне, и я подавила внезапное, совершенно неуместное хихиканье, так кстати это было. "Я не критикую. Но ты напоминаешь мне кого-то. Кто-то, кого я давным-давно потеряла."

"И кто это был?"

"Просто кто-то, кто был... важен для меня." Выражение лица женщины изменилось, и на мгновение какая-то скорбь, разрывающая сердце, посмотрела мне в глаза. Ее рука поднялась, чтобы дотронуться до единственного украшения, которое она носила - серебряного единорога на красивой цепочке на шее - и она покачала головой. "Просто кто-то, кого я любила."

"Извините," - сказала я искренне. Внезапная вспышка гнева исчезла под весом ее невысказанного горя.

"Такое случается." Она пожала плечами. "На самом деле, такое случается довольно часто. Но это не меняет того, что тебя не должно быть здесь. Ты никогда не делала этого раньше, не так ли?"

Когда она говорила, она провела рукой, которой ласкала единорога, по ткани ее платья, и я точно знала, что она имела в виду.

"Почему вы так говорите?" - сказала я с вызовом.

"О, по нескольким причинам." Она снова улыбнулась, на этот раз криво. "Например, ты не предъявила швейцару свою лицензию, значит, ты нелегальная. И ты молода - Боже, тебе уже есть двадцать?" Она покачала головой. "А потом ты и Эркюль. Я признаю, что он, вероятно, лучший из плохих людей, но в этом случае это не важно. Ты, скорее всего, пострадаешь, идя домой с кем-то вроде него."

"Он не кажется слишком плохим," - возразила я, размышляя, пытаюсь я убедить в этом ее или себя. "Немного... бесцеремонный, но в конце концов..."

"Я неловко пожала плечами, и она кивнула.

"Вы сейчас на публике," - отметила она, "и его босс пытается не привлекать внимания. Но, насколько я слышала, его вкусы... эзотерические, скажем так?" Я поняла, что она следит за мной более пристально, чем казалось, когда она бросила в меня "эзотерические", как будто проверяя мой словарный запас. "И в постели ему нравятся молодые и неопытные. Я думаю, что их "невинность" привлекает его, в нехорошем смысле, если вы понимаете, о чем я."

"Вы, кажется, знаете о нем очень много для кого-то намного старше меня," - сказала я немного резко.

"О, я знаю о нем довольно много." В ее улыбке было очень мало веселья. "Приходит с опытом."

"Понимаю." Я наклонила к ней голову. "Почему вы говорите мне все это?"

"На самом деле я не знаю," - призналась она. "О, ты напоминаешь мне кого-то. Этого, вероятно, было бы достаточно. Но ты молода и у тебя проблемы." Мои глаза расширились, и она тихо фыркнула. "Детка, ты не представляешь, скольких людей я видела в беде! Это видно в том, как ты двигаешься. Возможно, это тоже часть того, что привлекло Эркюля, когда я теперь об этом

думаю." Ее взгляд расфокусировался, когда она размышляла о чем-то, что могла видеть только она, затем кивнула. "Да, ему нравится это. Как отслеживать раненого оленя. Как знание, что ты делаешь это только потому, что ты в отчаянии. Это дало бы ему еще больший контроль, не так ли?"

Моя кровь превратилась в лед. Если она действительно что-то знала об Эркюле, и если то, что она знала, было таким же точным, как то, что она так просто, без усилий вывела обо мне, то...

Ее глаза снова сфокусировались на мне, и она слегка встряхнулась.

"Давай просто скажем, что мне не нравится видеть людей, попавших в беду, и что еще меньше мне нравится наблюдать, как кто-то другой использует их неприятности. Так что прими мой совет, детка. Встань со стула и выйди отсюда." Она сунула руку в стильную маленькую сумочку, свисавшую с ее правого запястья, и достала небольшой чип данных. "Возьми это. Это контактная информация офиса ПГП на Семьдесят пятой улице. Каковы бы ни были твои проблемы, они могут помочь."

Я взяла чип слегка дрожащими пальцами. ПГП - Партия за гражданские права - была едва терпима Внутренней Безопасностью и остальной частью полиции Нового Парижа. Все знали, что на самом деле это был политический рупор Союза Гражданских Прав, а СГП была почти террористической организацией. На самом деле, если бы Народная Республика была местом, где могли бы быть террористы, то журналисты так бы его и называли. Пока же его члены были просто "головорезами" или "хулиганами", которых Партия за гражданские права покорно осуждала через регулярные промежутки времени. Несмотря на это, любой, связанный с ПГП автоматически появлялся в файлах ВнуБеза. Как дочь пары известных рецидивистов, они хотели бы, чтобы я была в их списке!

"Я знаю, о чем ты думаешь," - сказала она. "Но ВнуБез не особо беспокоится по поводу офиса ПГП." Она снова фыркнула. "Если бы они это делали, им пришлось бы включить четверть людей из Башни Марокко в свои списки! Боюсь, ваш менеджер хуже, чем многие," - добавила она, незаметно дергая головой в сторону стола десять.

Я проследила за жестом, и мои челюсти сжалась, когда я поняла, что человек, с которым разговаривал Кармуш, был не кто иной, как Шарль-Анри ДеРозье, менеджер долистов, ответственный за Марокко. Она была права насчет него. Он задавал тон - и служил примером - взяточничества, из-за чего мой младший брат не получал базовые медицинские услуги, необходимые, чтобы остаться в живых, без дополнительной оплаты. Они были доступны, и они были бесплатны... официально.

На этом настаивали даже законодатели. Но никто не получал их в Башне Марокко, не заплатив нужным людям. И им - и ему - это сходило с рук, потому что он был одним из самых известных среди менеджеров. Марокко была не единственной башней, чьи голоса он контролировал. Он никогда не был законодателем, но, по-своему, он имел больше власти, чем кто-либо, кроме самых высоких династий законодателей. Достаточно для того, чтобы кому-то вроде Кармуша действительно имело смысл быть в союзе с ним. Один Бог знал, что они вдвоем там готовят.

Что бы это не было, там были деньги. Много денег.

Знакомая ярость зажглась во мне, когда я узнала его, но я подавила ее. В Башне Марокко рано учились жить со своим гневом, предполагая, что вообще хотели жить.

"Иди," - снова сказала женщина, и на этот раз в ее голосе звучал дополнительный оттенок. Срочность, которая почти могла быть беспокойством... но не совсем. "Убирайся отсюда. Иди

домой, вылезти из этого платья и сходи поговори в офис. Я знаю кого-то, кто замолвит за тебя слово, прежде чем ты туда доберешься."

"Но... " - начала я.

"Никаких но, девочка! Просто разворачивайся и иди... "

Она внезапно прервалась, ее губы сжались и я вопросительно посмотрела на нее.

"Слишком поздно," - сказала она очень тихо, снова открыв сумочку. Она не смотрела на меня; она смотрела на электронное зеркало за стойкой бара. В котором появился чрезвычайно высокий, широкоплечий мужчина, который только что прошел через дверь коридора. Он был так же хорошо одет, как и она, но как минимум на тридцать сантиметров выше ее, и нес модную наплечную сумку.

"Слезь со стула," - сказала мне женщина тем же мягким голосом, не глядя на меня, не отрывая глаз от зеркала. "Иди в туалет. Закрой дверь. Не выходи."

"Но... "

"Будь умной, девочка! А теперь иди!"

Я посмотрела на нее еще мгновение, затем встала со стула, повернулась и ушла так небрежно, как смог бы тот, чьи нервы только что превратились в камертоны. К сожалению, она слишком долго ждала, чтобы приказать мне идти.

Я почти дошла до арки между баром и туалетами, когда это случилось.

Швейцар сказал что-то большому парню. Я не могла слышать, что это было, но, очевидно, что-то неправильное, потому что огромная левая рука схватила лацканы его кителя и подняла его на носки.

"Какого черта ты говоришь это мне?" - заорал гигант, и все его слышали. Швейцар пытался что-то сказать, но не мог, его трясло, как игрушку.

"Конечно я уверен, что это правильное место, идиот!" - прорычал верзила. "Что? Ты хочешь видеть мое приглашение?"

Его правая рука погрузилась в наплечную сумку, а левая продолжала трясти несчастного швейцара, и я поняла, что перестала двигаться. Конфронтация привлекла мое внимание, и я остановилась, уставившись на нее, как и все остальные глаза в этом месте.

И поскольку мы все смотрели на него, никто не заметил ее, когда она сбросила туфли на высоких каблуках, соскользнула со стула и небрежно пошла к десятому столу.

"Вот мое приглашение!" - объявил верзила и его правая рука появилась из сумки.

С пульсером.

Очень большим пульсером с длинным стволом. Слишком длинным - и, вероятно, слишком мощным - чтобы нести его скрытно, как Зови-меня-Эркюль.

Я замерла. Я признаю это. Я застыла на месте, уставившись на него с недоверием. Если все глаза были привлечены к нему раньше, они были прикованы к нему сейчас, и я увидела, как

Зови-меня-Эркюль повернулся к нему, его рука метнулась в его китель.

Это было несчастное решение с его стороны.

Пульсер казался частью руки гиганта. На самом деле он даже не посмотрел на Эркюля. Он лишь повернул оружие в сторону, направив его так же естественно, как мог бы указать пальцем. А затем пульсер пронзительно заскулил, и затылок Эркюля взорвался ужасным фонтаном красного, серого и белых осколков костей.

Раздались крики. Можно было сказать, чьи мозги были быстрее, чем у других. По-настоящему быстрые начали вставать со своих стульев, когда убийца впервые повысил голос. Теперь они нырнули на пол, а следующие по скорости начали к ним присоединяться. Остальные посетители просто стояли или сидели, как и я, в то время как другие охранники, разбросанные по комнате, доставали оружие.

Пульсеры завизжали, и крик швейцара умер в облаке брызнувшей крови, когда по крайней мере полдюжины дротиков врезались в него, а затем вышли наружу. Кровь и кусочки ткани брызнули на гиганта, и твердые дротики тоже ударили в него. Но, в отличие от несчастного швейцара, они, казалось, не влияли на него. Он опустился на одно колено - его лицо и вся передняя часть головы исчезли за каким-то непрозрачным щитом - и положил свой пульсер на предплечье, как пистолет. Пульсер зарычал, и я поняла, что он стрелял одиночными выстрелами, а не автоматическим огнем, как стрелявшие в него.

И когда я поняла это, я также наконец поняла, что моя знакомая женщина движется. Фактически, она мчалась к десятому столу на своих босых ногах.

Телохранители вокруг стола чисто рефлекторно развернулись, чтобы противостоять угрозе. Ближайшие двое встали между гигантом и своими подопечными, введя в игру свои собственные пульсеры. Один из мужчин, которых они защищали, увидел, что она идет, и указал на нее с криком тревоги.

"Ложитесь вы, идиоты!" - крикнула она людям, сидящим за столом. "Ложитесь!"

Человек, увидевший ее, застыл, затем встал со стула, повинувшись власти ее крика, когда она оказалась в двух или трех метрах.

И тут они увидели, что было у нее в левой руке.

Я видела вибролезвия раньше. Полиция не очень любит их, но как правило терпит, даже в Башне Марокко. Не потому, что они одобряют вооруженных долистов, а потому, что самозащита является практической необходимостью, особенно на самых опасных этажах, и они предпочитали видеть нас вооруженными оружием с максимальной дальностью действия в тридцать сантиметров, что является законным пределом для любого гражданского вибролезвия, а не с пульсерами, подобными тем, что в руках большого человека.

Но это вибролезвие было другим. Женщина все еще находилась в двух метрах от стола, проходя между двумя ближайшими телохранителями, когда голова первого охранника внезапно слетела с его плеч в брызгах крови.

Мужчина, который видел, как она идет, отступил назад в шокированной неверии, когда ее рука скользнула, и второй телохранитель упал так же мгновенно, как и первый, а затем она взлетела в воздух. Она приземлилась в центре стола, босая и невероятно грациозная в своем платье с большим разрезом, и другая отрубленная голова отскочила через стол на пол.

Она закрутилась, как танцовщица, когда сенатор Кармуш вскочил со стула. Он хотел прыгнуть от нее, но ошибся, поднявшись на ноги, а не просто упав на пол. Это дало возможность добраться до него этому невероятно длинному, незаконно бесшумному виброклинку, и он упал даже без крика, когда клинок прорезал его по диагонали вниз, полностью пройдя сквозь череп с другой стороны.

Лиссабон стал сумасшедшим домом. Крики и выстрелы были повсюду. Перестрелка у двери продолжалась, хотя гигант уже отбросил еще трех телохранителей. Он на мгновение проигнорировал последнего и убил одного из двух оставшихся близко стоящих телохранителей, тех, кто находился на противоположной стороне стола десять, идеальным выстрелом в голову, по меньшей мере, с двадцати метров. Последний телохранитель, к сожалению для нее, все еще был отвлечен перестрелкой. Ее внимание было явно разделено между этой перестрелкой и побоищем рядом с ней, и она колебалась - очень коротко - пытаясь решить, какая угроза была большей.

Женщина решила вопрос для нее. Она прыгнула со стола, словно это был батут, и приземлилась на корточки - правая нога резко согнута под ней, левая нога полностью вытянута - и развернулась. Вибролезвие ударило женщину-телохранителя на уровне колена, и та завизжала, когда ее ноги были разрезаны под ней. Она кричала, скручиваясь от боли и тщетно пытаясь добраться до раны, и женщина добила ее одним экономным толчком, затем вскочила на ноги и вернулась к столу.

Де Розье отодвинул свой стул от стола, но он запутался с ним. Или, может быть, просто паника сделала его таким неуклюжим. Какова бы ни была его проблема, это было все равно что наблюдать, как гепард убивает овцу на Старой Земле. Она двигалась со смертельной, плавной грацией, а он в ужасе блеял, как овца.

Пока вибролезвие не прошло сквозь его туловище снизу вверх.

Он упал, а она продолжила движение по столу. Еще один из мужчин полетел назад. Его голова все еще была прикреплена, но только у спины, кровь текла повсюду, а его сердце продолжало бешено биться.

Она развернулась, разрезала четвертого человека, затем пятого.

Я не могла поверить. Я буквально не могла поверить своим глазам. Она и гигант у двери убили всех девяти телохранителей, а пока я смотрела, она убила шестерых человек из толпы вокруг стола.

Но это было не случайно, поняла я частью моего мозга. Она не убивала всех, она обошла людей, сидевших между ее жертвами. Она не была маньяком-убийцей, убивающих всех в поле зрения, чтобы сделать заявление. Она убивала именно тех и только тех, которых она хотела убить.

А затем я увидела что-то еще. Что-то, что она не видела.

Полицейский в штатском поднялся со своего стула из-за арки туалета с пульсером в руке. Я увидела, как он поднимается, целясь в женщину в черном платье, и я знала, что это не мое дело. Я точно знала, что мне нужно было сделать, и именно это она мне и сказала: отправляйся в туалет, запри дверь и никому не открывай, пока туда не доберутся полицейские в форме.

Я знала это... и я это не сделала.

Я не осознала звук, который издала. Он было глубоким, гортанным, первобытным. Он исходил из глубин моего живота, из сердца, наполненного ненавистью к системе, в которую попали мои родители, которая постепенно убивала моего брата. Это пришло из глубины моей души, и другая мутация, которую я унаследовала от моей прапрабабушки, выскочила из кончиков моих пальцев.

Я ударила его в спину, воя, как пятидесяти пяти килограммовая баньши, и мои руки потянулись к его шее. Но я не схватила ее. Нет, изогнутые двухсантиметровые когти вонзились в его горло, потянули в противоположных направлениях с ужасным мягким, тянущим ощущением, и что-то горячее и скользкое - и гораздо более густое, чем я когда-либо думала, какой может быть кровь - взорвалось в моих руках.

Полицейский рухнул с булькающим криком, и я обнаружила себя стоящей коленями на его позвоночнике, глядя сквозь спутанные пурпурные волосы, когда женщина в черном платье повернулась к нам. Ее глаза сузились, но затем она встряхнулась, взяла упавший пульсер полицейского и снова повернулась к покрытым кровью выжившим, стоящим вокруг стола.

"На пол, все," - сказала она холодным ровным голосом, показывая дулом пульсера, и они повалились, повинувшись ей, упав на колени и - без инструкций - сложив руки за головой.

"Сегодня вам повезло," - сказала она тем же ледяным голосом. "Никого из вас нет в списке... пока. Я бы порекомендовала стараться изо всех сил сохранить это положение. Если вы увидите меня снова, вам может не так повезти."

Она держала их два или три удара сердца, больше парализованных ее беспощадными глазами, чем дулом пульсера. Затем она сделала два шага назад и посмотрела на меня, все еще с коленом на теле человека, которого я убила, пытавшуюся понять, что только что произошло.

"Мы уходим, девочка," - сказала она. "Я думаю, тебе лучше пойти с нами."

Я смотрела на нее, мой мозг в основном был пуст. Но он сработал достаточно хорошо, чтобы сказать мне, что я не могла оставаться здесь. Я вскочила на ноги, стараясь не думать о чем-то липком, капающим с рук, о крови, растекающейся по полу, и бросилась к ней.

"Хорошая девочка!" - сказала она ободряюще, отбрасывая пульсер и обнимая меня удивительно сильной рукой. "Сюда!"

Я действительно не помню, как пересекла комнату. Я помню, что у нее хватило присутствия духа поднять сброшенные туфли. И я помню, как она остановилась в вестибюле достаточно долго, чтобы схватить свой модный вечерний плащ с вешалки, и я помню, как большой парень снова полез в свою сумку, прижимая какое-то маленькое устройство к внешней стороне силовой двери между вестибюлем и самим клубом.

"Получите!" - рявкнул он и нажал на кнопку.

"Системы безопасности?" Она уже надела свои туфли. Теперь она закуталась в плащ, скрывая кровь, забрызгавшую ее платье, и еще какая то маленькая штучка появилась из ее вечерней сумочки. Она дотронулась до кнопки, и я разглядела, как облако пыли, казалось, на короткое время охватило ее. Когда оно рассеялось, уплыло как дым, ее черные волосы стали платиновыми, цвет лица был даже темнее, чем у меня, а глаза... глаза были самым ярко топазовыми, которые я когда-либо видела.

"Не пугайся," - сказала она со смехом, и я заметила, что родинка тоже исчезла. "Нанотехи. И

пятна крови тоже убирают."

Она оглянулась на высокого мужчину, чьи красивые и правильные черты лица исчезли. Теперь он выглядел так, будто кто-то использовал его лицо, как боксерскую грушу - и не раз. Но это было очень, очень жесткое, компетентное лицо, и он был даже больше, чем я думала.

"Системы безопасности, Кев?" - повторила она немного громче.

"Готовы," - успокоил он ее. "Червь стер все, что они записали за последние три дня. Не знаю, что они могли выгрузить во ВнуБез или копам до того, как туда прибыл Кармуш, но они не получили ни куска дерьма с того момента, как ты вошла в дверь. Их сеть тоже отключена. Они без интернета и без связи, пока мы не включим их, или они не получают действительно хороших кибер-техников."

"Хорошо. Дверь?"

"Дверь не открыть без режущего механизма в течение по крайней мере пары часов. И," - он постучал по незаметному наушнику в правом ухе - "другие команды заперли другие двери. У нас есть, по крайней мере, полчаса, прежде чем кто-нибудь там придумает, как сообщить кому-то снаружи."

Говоря это, он срывал с себя свой дорогой - и залитый кровью благодаря несчастному Паскалю - китель. Теперь он вывернул его, нажал что-то, и китель стал совершенно другого кроя и цвета. Он отстегнул что-то на шее и бросил в сумку, затем поморщился, осторожно дотронувшись до бока.

"Напомни мне сказать им, что нужно лучшее кинетическое демпфирование," - сказал он. "Не удивлюсь, если у меня будет пара сломанных ребер."

"Для этого есть быстрое лечение," - сказала она ему. "И, кажется, дротики были задержаны."

"Только потому, что разрывные дротики нельзя загрузить внутри башни."

"Черт возьми." Она покачала головой. "Клянусь, Кев, ты будешь жаловаться, если тебя повесят на золотой веревке!"

"Неа. Золото подойдет... если они не смогут достать платину. Может быть, добавить несколько бриллиантов." Он задумчиво нахмурился. "Или рубинов, как ты думаешь?"

"О, заткнись!" Она усмехнулась и снова покачала головой.

"Должен сказать, этот выскакивающий лицевой щиток действительно хорош," - продолжил он, похлопывая по наплечной сумке. "Хотелось бы получить их побольше."

"Скажи спасибо за то, что мы получили. Я не знаю, кто наш "таинственный благодетель", но у него акцент Беовульфа. Существует предел того, насколько открыто Беовульф может рисковать, противодействуя Народной Республике."

Он кивнул. Затем они оба повернулись ко мне, и я поняла, что они болтали, по крайней мере частично, чтобы дать мне время отдышаться.

"Протяни руки," - сказал мужчина. Я осторожно протянула их, и он распылил аэрозоль из своей сумки. Было холодно, как от алкогольного спрея, а затем покалывало. Когда я снова

посмотрела вниз, липкая, засохшая кровь исчезла.

"Полезный растворитель," - сказал он, снова убирая аэрозоль. "Не обманет хороший судебный анализатор - слишком много осталось следов, - но хитрость в том, чтобы выглядеть таким невинным, что никто не наведет на тебя анализатор." Он склонил голову, критически осматривая меня. "Можешь ли ты запрограммировать это платье на более темный цвет?"

"К-конечно," - сказала я.

"Тогда сделай это. Чем темнее, тем лучше."

Я вызвала аппликацию на своем уни-линке. Платье стало темнее, даже чем мои волосы, и я снова посмотрела на него.

"Хорошо!" - одобряюще кивнул он. "Растворитель хорошо удалил кровь с кожи, и тебе удалось убрать большую часть ее с платья. Но не все. Но платье настолько темное, что никто не заметит крови, прежде чем мы снова выведем тебя из коридора."

"Из... из коридора?" - повторила я. "Куда?"

"Ну, я думаю, это зависит от тебя," - сказала женщина. "Кев говорит, что червь убил систему безопасности, и я уверена, что в этом он прав. Но это ничего не может сделать с человеческими воспоминаниями, и многие люди видели тебя там, дорогая. И, прости меня, но твой цвет волос еще более запоминающийся, чем мой. Скорее всего, ВнуБез может получить твоё довольно приличное описание, и держу пари, ты живешь где-то рядом, не так ли?"

Я оцепенело кивнула, когда поняла, насколько она права относительно того, как легко меня найти. Боже, что теперь должно было случиться со мной и Сезаром?

"Значит ты должна исчезнуть. Уйти из видимости." Мои глаза расширились, и она быстро покачала головой. "Не волнуйся. Мы можем это сделать. Тебе придется перейти в другую башню, но мы можем сделать и это."

"А мой брат?" - сказала я с беспокойством в голосе. "Мой брат Сезар болен. Очень болен. И доктор хочет денег, чтобы переместить его в начало очереди. Я не думаю, что он сделает это, если я не смогу дать ему денег, и поэтому..."

Я замолчала, понимая, что это лепет, и она взглянула на своего спутника. Он оглянулся, пожав плечами, явно принимая ее решение, и она повернулась ко мне.

"Есть другие родственники?"

"Нет." Я покачала головой. "Мы все, что осталось после того, как они взяли маму и папу."

Ее рот сжался, а великолепные топазовые глаза стали мрачными и жесткими.

"Тогда, конечно, мы вытащим и Сезара. И я вполне уверена, что мы можем оказать ему медицинскую помощь, в которой он нуждается. Но где и как мы это сделаем, зависит от тебя."

"Что вы имеете в виду?"

"Я имею в виду, что у тебя есть потенциал, детка. Ты..." Она остановилась и покачала головой. "Я не могу продолжать называть тебя "детка" или "девочка". Как тебя зовут?"

"Нинон," - сказала я. "Меня зовут Нинон."

"Значит Нинон. Ты быстрая, ты не замираешь, и, судя по всему, у тебя нет никаких причин любить законодателей."

Она посмотрела на мое выражение, а потом фыркнула.

"Нет, ты их не любишь. Ну, как и я. Или Кев. Или наши друзья. Итак, мы можем спрятать тебя где-то, или вместо этого завербовать."

"Завербовать меня?" Я смотрела на нее, не веря.

"У тебя есть талант." Она пожала плечами. "Единственный реальный вопрос - есть ли у тебя мотивация? Сегодняшнее дело было немного более... впечатляющим и активным, чем обычно, но это то, что мы делаем, Нинон."

"Я все еще думаю, что вы должны были позволить мне просто использовать бомбу," - проворчал Кев. "Это было бы намного быстрее и проще, и мы не можем позволить себе потерять тебя из-за этого дерьма, Элли."

"Бомбы не очень точное оружие," - отметила она. "И могу добавить, что если бы я позволила тебе поиграть с твоими игрушками на этот раз, наш друг Нинон, вероятно, была бы в статистике потерь."

"Точно," - признал он.

"Вы СГП?" - спросила я, глядя на них. Если даже четверть - черт, десятая часть - новостей о них были точными, Союз за Гражданские Права был примерно такими же кровавыми, как "убийцы" и "хулиганы". Как бомба Кева, СГП не был точным оружием.

"В некотором роде," - ответил Кев. "Я был частью СГП с самого начала. Убежденной частью. Но мой друг, она более идеалистична, чем я. И будь я проклят, если она не убедила меня пойти с ней. Кто бы мог подумать?" Он пожал плечами. "Во всяком случае технически мы СГП. Но что мы на самом деле? Мы апрелисты."

Я шумно вздохнула. Апрельсты? Они были апрелистами?

"Да," - сказал он с кривой усмешкой. "И это причина, по которой она не позволила мне использовать бомбу. Я склонен иногда возвращаться к методам СГП."

Я медленно кивнула, почти механически. Из всего, что я когда-либо слышала, апрелисты пугали законодателей сильнее, чем когда-либо СПГ. Все знали, что их было не так много по сравнению с СПГ, но они были умными, их операции выполнялись с особой точностью, и по своему они были еще более беспощадными, чем СПГ. Но их выбор цели был совсем другим. Даже Министерство Публичной Информации, которое не собиралось положительно освещать "бандитов и хулиганов", должно было признать, что апрелисты убивали только тех, кого они считали напрямую ответственными за действия режима, и они старательно избегали побочного ущерба ... вроде мертвых школьников в воздушной машине их родителей."

"Решение твое," - сказала женщина. "Не спешి делать его. Мы должны уходить. Так-что подумай по дороге в безопасный дом."

"Думать об этом?" Я откинула голову и засмеялась. В звуке была небольшая истерия, но не

колебания. "О чем думать? Эти ублюдки забрали моих родителей, и они постепенно убивают моего младшего брата. Конечно, я с вами!"

"Дерьмо!" - сказал Кев со своим глубоким, раскатистым смехом. "Девочка напоминает мне кого-то еще!"

Он посмотрел на женщину, и она пожала плечами.

"Ублюдки все еще наши лучшие вербовщики, черт их побери," - сказала она. Затем она снова посмотрела на меня. "Хорошо. Если хочешь, ты с нами."

"Так просто? Вы принимаете решение за всех?"

"Черт, конечно принимает!" - фыркнул Кев. "Она командир бригады Дельта, дорогая."

Я открыла рот. Серая сеть знала это имя, этот титул, но ничего кроме этого. Никто не знал, был ли "командир бригады Дельта" старым или молодым, мужчиной или женщиной. Но по крайней мере я всегда представляла огромного гиганта. Полагаю, я ожидала кого-то более похожего на Кева, но он явно был ее подчиненным.

"Это просто название," - сказала она, качая головой. "И я начинала с того места, где ты сейчас находишься." Она коснулась серебряного единорога, все еще видимого на ее шее. "Мы все начинали с того места, где ты сейчас находишься. И я не могу обещать тебе, что мы в конце концов победим или даже выживем. Но я могу обещать, что если мы этого не сделаем, это будет потому, что мы умерли, пытаясь. Это достаточно хорошо для тебя, Нинон?"

"Это более чем хорошо для меня," - ответила я, протягивая руку. Она на секунду посмотрела на нее, затем твердо пожала.

"Тогда добро пожаловать в революцию, Нинон," - сказала она. "Принимайся за дело."

* * *

"Почему я думаю, что адмирал Харрингтон и президент Причарт хорошо подходят для переговоров о реальном мирном соглашении между нами и Звездной империей? Я скажу вам почему. Потому что, несмотря на все различия между ними, я не могу представить двух женщин, которые более похожи внутренне!"

- сенатор Нинон Буршье,

Сенатский комитет по иностранным делам,

Республика Хевен,

разговор с репортерами, 01/05/1922 После Расселения

<http://tl.rulate.ru/book/41903/934424>